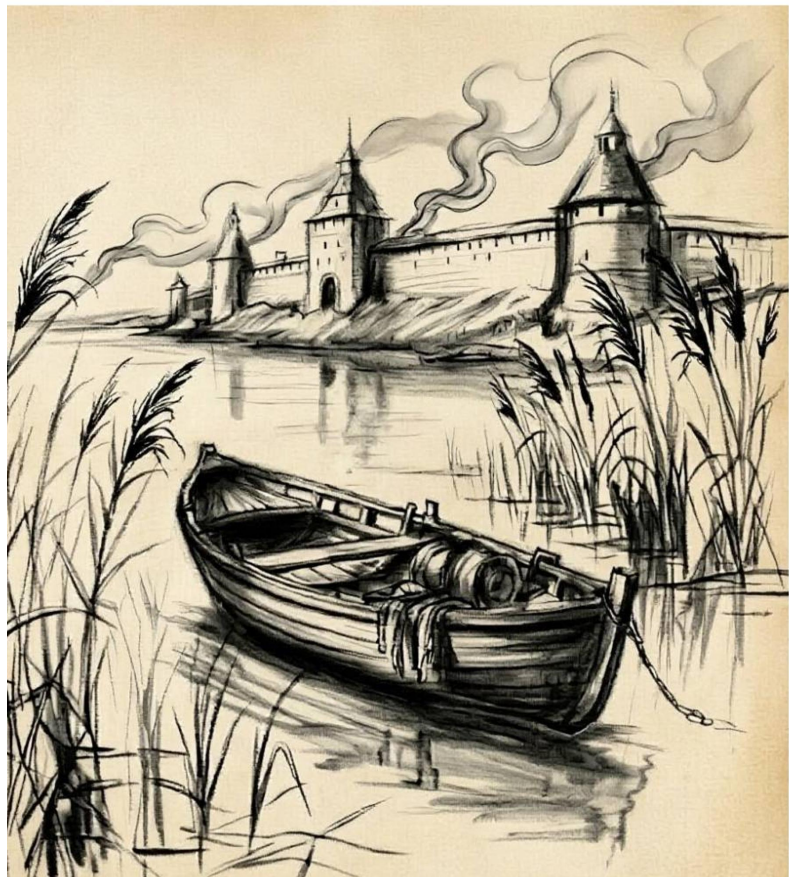

АННА КАРПОВА
ЗОЛОТОЙ ФЛЮГЕР

Анна Карпова

Золотой флюгер

<https://litres.ru/74219398>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где каждый день — борьба за выживание, юный герой вынужден взрослеть раньше времени. Начав свой путь в тесном углу, он постепенно осознаёт, что истинная сила кроется не в физической мощи, а в стойкости духа и верности своим принципам.

Когда война приходит в его мир, привычный уклад рушится, заставляя героя пройти через потери, страх и отчаяние. В поисках ответов на вопросы о смысле жизни, долге и чести он поднимается всё выше. Каждое новое открытие приближает его к пониманию своей истинной природы.

Эта пронзительная история о взрослении, о поиске себя и своего места в мире, о том, как даже в самые тёмные времена можно найти свет и надежду. О том, что истинная сила заключается не в происхождении, а в поступках и решениях, которые мы принимаем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анна Карпова

Золотой флюгер

Глава 1

Когда сравнивать не с чем — то и выживание в углу покосившегося хлева может показаться жизнью. А сам хлев — домом. Но мне было с чем сравнить.

Пока мы всей семьёй ютились на соломенной подстилке, в конце двора, в добротном рубленом доме, жили иначе — по-человечески. Я подолгу засматривался на тамошних обитателей. На тёплый мерцающий свет лучин, что пробивался сквозь щели вместе с духом печёного хлеба. Мать, замечая мой тяжелеющий взгляд, одёргивала меня. Но, кажется, и она понимала, что надолго сил у неё не хватит. Я быстро выросл.

— Мы зависим от этих людей! — взывала она ко мне, прижимая к себе. — Подумай обо мне, об отце, о сёстрах!

Меня внутри корбило туда от этих слов. Но я в очередной раз отрывал взгляд от недоступной жизни и шёл, где перегородка из деревянных жердей делила единственный свободный угол хлева на две половины. Мать, отец и три мои сёстры были по одну сторону. А сосед со своей женой и её

старыми вредными тётками — по другую. Я не знал истории спора наших семей. Но наверное, каждый прикидывал в уме, насколько просторнее стало бы, не будь этой перегородки и тех, кто за ней. Может, и еды бы нам тогда перепало больше.

Время от времени копившееся напряжение начинало искрить. Сосед с отцом засекались — и завязывалась драка. Я, поддаваясь внутреннему порыву, постоянно рвался на помощь, но мать останавливала меня. Она боялась. И я уже знал — почему.

Если отец с соседом в пылу драки забывались, те, из дома, прибегали на шум, разнимали их и выгоняли на улицу, оставляя на сутки без еды. Устраивать потасовку в помещении было нельзя. Но обитатели дома опасались не самой драки, а лишь того погрома, который следовал за ней.

Драку-то они как раз любили.

И нередко по праздникам соседа с отцом уводили туда — за дом. Где выставлялись лавки, собирались гости, и на тёсную столешницу с гулким звоном падали медяки — ставки на победителя.

Тайком от матери я забирался на дерево во дворе. Оттуда открывался вид на реку, часть нашего села и, главное, на пространство за хозяйским домом. Спрятавшись в листве, я с гордостью наблюдал, как бился мой отец.

После таких боёв он возвращался никакой. Выжатый, потрепанный, с кровоподтёками на голове и заплывшими гла-

зами. Заходил в хлев и падал без сил. Мать долго хлопотала вокруг него, пытаясь облегчить муки. И лишь одно утешало меня тогда — сосед выглядел ничуть не лучше. А на следующий день мы все получали немного больше еды.

Но даже несмотря на такие передрыги, каждое утро мой отец вставал первым и отправлялся на обход двора. Свою работу он знал и делал отлично. Пока мать с тётками хлопотали в хлеву, прибирались и собирали яйца для дома, отец проверял цельность изгороди. Осматривал округу. Заглядывал в каждый угол — не начали ли где рыть подкоп лисы. Звал хозяев. Те доили корову, забирали яйца, и вся живность выгонялась на луг перед рекой. Двор пустел. И мы получали свою порцию еды.

Присматривать за всем этим хозяйством было непросто. И мой отец, как старший двора, подходил к делу со всей ответственностью. Я любил наблюдать за ним в такие моменты. И жутко им гордился.

Одного я только не мог понять.

Почему мы ютимся здесь, на птичьих правах, в каком-то чужом углу — вместо того, чтобы уйти и построить свою жизнь так, как считаем нужным? Почему отец, с его-то статью, с такими-то бодцами — терпит?

Бодцы. Надёжное оружие, доставшееся ему от деда. Отец точил их каждое утро о камень у стены, оставая на земле мелкую белую пыль. Он берёт их. Он знал им цену. Я смотрел, как отец возвращается с обхода — прямой, с высоко

поднятой головой, с тем особым, немигающим взглядом, каким смотрят только те, кто знает своё место в этом мире. И я думал: в нём есть какой-то секрет. Какой-то стержень, которого нет у меня.

И что это — никто не мог мне сказать. Так же, как не у кого раньше не получалось объяснить, почему нельзя засесть с людьми из дома.

Зато это смог сделать мой сосед. Ценой своей жизни.

За два дня до того рокового дня отцу стали выдавать существенно меньше еды, чем соседу. И мать поникла. Это означало, что скоро будет бой, в котором отцу уготовили проигрыш. Хозяева больше не верили в стойкость её мужа. Хитрые обитатели дома, урезав паёк отцу, подстраховали будущую ставку на соседа.

Это был проигрыш в любом случае. Если отец победит — люди из дома потеряют деньги. А это тоже могло закончиться печально.

Но отец был сосредоточен как никогда. Он решил во что бы то ни стало стоять до конца. Чтобы наглядно показать, что по-прежнему в строю. Терять статус старшего во дворе ему было никак нельзя. Но внутри себя я знал и другой ответ — дело было не в победе.

Мой отец никогда не отступал, он дрался за достоинство, а не за возможность выжить.

И он это сделал.

Наблюдать за боем я не мог — мать, нервничая, всё время

ходила рядом, не отпуская меня ни на шаг. А вечером, когда шумы гуляний за домом стихли, отец с соседом, в сопровождении хозяина, ввалились во двор. Мы с матерью осторожно вышли встретить их.

Отец еле стоял на ногах. Пошатываясь, с трудом удерживая окровавленную голову, которая так и норовила завалиться на грудь, он посмотрел на меня озорными глазами победителя.

Сосед, такой же побитый, понуро припал к забору и затих. Через сиплое дыхание, сквозь стиснутые зубы хозяин источал злобу. Несмотря на все ухищрения, его ставка не сыграла. Собираясь, уже было уходить, он внезапно обернулся — и с досады отвесил проигравшему соседу сильного пинка. Тот, потеряв равновесие, перекатился по пыльной земле и замер.

Но уже через мгновение — к шоку всех присутствующих — сосед с безумными глазами резко вскочил на ноги. Брызгая кровавой слюной, он с жутким хрипом бросился на человека из дома.

Сорвался.

На следующее утро в хлеву стояла тишина. Пока тётки, моя мать и сестры, всю ночь в тревоге не сомкнувшие глаз, дремали, вжавшись в стены, я юркнул через приоткрытые ворота хлева в утреннюю прохладу двора. Отец, прихрамывая, совершал обход. Незаметно прошмыгнув мимо, я вскарабкался на дерево и уставился на пространство за домом,

где всю ночь продержали соседа.

Хозяин, морщась от болезненной росписи на лице после вчерашней выходки бойца, с кем-то из своих домочадцев подтащил парализованного страхом виновника к колоде. Голову бедолаги водрузили на пень, и глухой удар тяжёлого топора оборвал его жизнь.

В небо с огородного чучела взметнулись вороны.

Провожая птиц взглядом, я внезапно захотел улететь с ними. Я осознал, что вообще ничего не знаю про ту жизнь, которой живу. В чём секрет отца? Почему он не уйдёт отсюда и не заберёт нас с собой? Зачем он остаётся здесь — и остаётся собой?

В оцепенении слезая с дерева, я встретился с отцовским взглядом. Прочитав всё произошедшее в моих расширенных глазах, он коротким кивком головы отправил меня в хлев.

Тихонько, чтоб не разбудить сестёр и мать, я забился в угол и забился тревожным сном, пытаясь осознать себя и свою роль в мире.

Почему оно всё так? Куда мы идём? И кто во всём этом — я?

Ответы на все эти вопросы мне ещё только предстояло получить.

Глава 2

После того утра перегородка в хлеву была убрана. Отец молча перетаскил жерди в сторону, и угол стал нашим — целиком. Под его крыло перешла и семья погибшего соседа. Три его тётки оказались не такими уж вредными, какими представлялись поначалу. А с одной из них мы даже быстро сблизились.

Она, в отличие от всех нас, повидала мир.

Старая, подслеповатая, с вечно растрёпанным видом и шрамом через весь бок, она сидела на бревне под всё тем же дубом и рассказывала о том, до чего мог дотянуться мой взор с вершины. Я же, расположившись на ветке, всматривался в даль и слушал.

— Здание на том высоком берегу — это крепость, — деловито произнесла она однажды, шурясь на дальний холм. — В неё уходят все, когда начинается война. Но нам с тобой туда нельзя.

— Это почему ещё? — возмутился я.

— Для таких, как мы, война — это время, когда любой, кто тебя видит, желает твоей смерти. И ничего кроме гибели нас там не ждёт.

— И чем же это мы хуже других-то, что война страшна только для нас? — с сомнением поинтересовался я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.